

Дина Рубина

Дина Рубина

Кружение эха

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Разработка серии и дизайн обложки:
Александр Кудрявцев, студия «FOLD & SPINE»

В оформлении книги использована
репродукция портрета Дины Рубиной
работы *Ильи Давидовича Рубина*

На обложке использована репродукция картины
Ю. Николаевой

Рубина, Дина.

Р82 Кружение эха / Дина Рубина. – Москва : Изда-
тельство «Э», 2017. – 288 с. – (Малая проза Дины Ру-
биной).

ISBN 978-5-699-99764-0

В одном из своих выступлений Дина Рубина призналась, что поначалу отъезд в Израиль воспринимался не как репатриация, а как эмиграция – это когда обухом по голове, секирой по шее, хакакири... От отчаяния спасала молодость и понимание, что дальше ничего нет – ни впереди, ни за спиной, ни по бокам – и нужно выстоять, нужно быть сильной. Но постепенно жизнь выстраивается. Израиль становится домом, домом детей, семьи. С другим чувством приезжает в 2000 году Дина Рубина в Москву, где возглавляет отдел культурных и общественных связей в израильской организации Сохнут, осуществляющей культурно-просветительскую и благотворительную программы. Именно в этот период Рубина обращается к большой форме, активно пишет рассказы, повести, путевые очерки. Оттачивается мастерство малой прозы: шлифуются блески, рассыпанные по будничным жизням; многоголосие, полифония становятся непременным атрибутом рассказа и повести. В России активно публикуются новые вещи Рубиной и переиздаются ранее созданные. Начинается самый настоящий Ренессанс писателя.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рубина Д., 2017
© Fold&Spine, разработка серии, 2017
© Николаева Ю., иллюстрация на переплет, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-99764-0

Предисловие

Давно это было...

Цикл коротких новелл «Несколько торопливых слов любви» начался с того, что моя мама, как и любой хороший рассказчик, любящий повторять свои истории не однажды, принялась в пятый раз рассказывать о двух своих подругах юности, переживших несчастную – каждая по-своему – любовь. Я и сама раздражаюсь, когда меня перебивают идиотским замечанием, что уже слышали эту историю, поэтому терпеливо дослушала мать до конца.

Как известно, счастливая любовь в литературе еще никогда никого не интересовала.

И когда западные издатели уверяют, что читатели предпочитают хеппи-энд в финале книги, я готова с этим согласиться. Но не полностью. Возможно, смерть героя действительно портит настроение массовому читателю. Возможно, в конце книги милосердный читатель

Дина Рубина .

готов видеть героя живым и умиротворенным. Но уж до того, герой, изволь-ка пострадать, да вывалиться в грязи и насаде, да извести море слез, а лучше крови, изволь-ка разбить кому-нибудь сердце, а затем, лет через двадцать, встретить первую любовь и ощутить себя глубоко несчастным. Короче: литературный герой должен страдать, иначе он никому не нужен.

В обеих рассказанных мамой историях наличествовала любовь сильная, драматическая, в чем-то похожая одна на другую – по чувству... Ситуации только были совершенно противоположными, даже парадоксально иными. И в какой-то момент (никто не может сказать – почему и как это случается) я почувствовала, что они просят литературного воплощения. Села и написала короткий рассказ, поделенный на две части, и назвала его «Такая долгая жизнь».

В работе литератора, который пишет романы и повести, подобное событие большого значения не имеет. Рассказ остался лежать «до случая» – то есть до выхода следующего сборника мелких вещей.

Но произошло вот что: на эти коротенькие истории любви, как на магнит, стали слетаться другие любовные истории. Будто стая птиц собиралась, чтобы совершить долгий перелет в неизвестные края.

В самый неожиданный момент какая-нибудь моя подруга, или давний приятель, или даже едва знакомый человек, взяв с меня слово изменить в книге имя, название города или даже страны, вдруг рассказывали мне истории своих юных или недавних loves, торопясь, смущаясь и оправдываясь тем, что больше не могут держать их в себе. Каждая из этих историй была достойна литературы. Я лишь дивилась способам, к которым прибегает судьба, которой зачем-то необходимо, чтобы были написаны те или другие литературные произведения.

И они были написаны: стая коротеньких рассказов, изложенных намеренно просто, повествовательно — как обычно рассказывают свою историю ночью попутчику в купе поезда. Я и свои две истории наконец достала со дна души — не скажу какие. Давно это было — в то время я жила взахлеб, торопясь, выговаривая главные слова так, будто они обжигали губы... И когда дописала — стая рассказов поднялась в воздух и полетела. Она до сих пор парит — высоко, где-то у меня за спиной. Я не оглядываюсь, не перечитываю их, просто чувствую невесомый мах далеких крыльев...

Что касается повести «Воскресная месса в Толедо»...

Если и есть страна, где я всегда настороже, так это Испания.

Дина Рубина .

Странное дело: попав туда в уже зрелом возрасте, я ощутила необъяснимую причастность к ее истории, культуре, национальным типажам.

В одной психологической книжке я прочитала довольно забавное утверждение, основанное на множестве опросов и наблюдений: наиболее толерантно человек относится к особям, с типологически похожей внешностью. Иными словами: азиаты симпатизируют людям с азиатскими чертами внешности, семиты — людям с семитскими чертами лица, славяне — людям, с типично славянскими лицами... и так далее... Хм, достаточно спорное утверждение, если припомнить историю войн и разборок помельче между китайцами и японцами, между вьетнамцами и вьетнамцами, между племенами тутси и хуту; между арабами всех мастей и верований, не говоря уже о нескончаемых войнах арабов с евреями. Да что говорить: а все гражданские войны на земле!

И все-таки: поскольку не вредно порою и за собой последить, я поняла, поразмыслив, что не знаю уж, как там насчет толерантности, но факт, что наиболее уютно, наиболее уместно и спокойно я ощущаю себя в толпе, скажем так, средиземноморской: итальянской, израильской... хотела с разбегу написать «испанской»,

но рука повисла над клавиатурой компа. Нет, неуютно. Удивительно привычно — да, однородно и уместно — да, но что касается уюта...

С первой минуты пребывания в Испании — а впервые мы с Борисом оказались там весной 1999 года — я чувствовала странное напряжение, волнение, пристрастное и совсем не туристическое внимание ко всему, что меня окружало... Причиной тому была семейная легенда об испанских предках, следы которых я, сама не отдавая себе в этом отчета, подсознательно искала в любом испанском городе, где мы оказывались. И в конце концов нашла в Толедо, где и по сей день живут несколько семей с бабкиной фамилией Эспиноса, которая, изменяясь в истории и разных странах, когда-то в Голландии превратилась в фамилию знаменитого философа — Бенедикта Спинозы.

По возвращении домой я написала повесть — не повесть, а такие длинные записки путешественника под названием «Воскресная месса в Толедо», полагая, что в этой вещи воплотила все свои тревоги и неоднозначные чувства к Испании... После чего можно с легкой душой закрыть эту тему.

Однако не тут-то было. Испания меня не отпускала. Причем меня не интересовало в ней то, чего ищут многие туристы и отдыхающие, — все эти солнечные побережья, курорты, нацио-

Дина Рубина .

нальная кухня, террасы уютных кафе, порты и лагуны. Морей и солнца хватает и в Израиле. Как заметила моя приятельница, гид и частый в Испании гость: «Если в каком-нибудь Костадель-Соль ты видишь человека, который в отличие от остальной толпы туристов ищет теневую сторону улицы, знай, что это — израильтянин».

Нет, знаменитые испанские курорты меня никогда не привлекали.

Испанию я чувствовала издали, беспокойно и властно, она меня будто звала, будто хотела заставить еще и еще раз задуматься, вникнуть, понять, проследить те невидимые связи, те испанские струны, которые во мне столь настойчиво и тревожно звучат.

Так родился замысел романа «Белая голубка Кордовы», героя которого, его характер, его предков я связала с Испанией. И для того чтобы еще раз почувствовать воздух, пространство, цвета и запахи этой страны, решила проехать по нескольким городам. В первую очередь — оказаться в Толедо.

На сей раз, сказала я себе, меня не интересует история собственной семьи. На сей раз я придумываю историю другого рода, другой семьи, других обстоятельств... И несколько дней с утра до вечера мы искаживали улочки Толедо, фотографируя глухие нетуристические уголки, дворы и подворотни и заполняя блокнот разного

рода заметками, необходимыми для создания образа русского художника, чья семья корнями уходит в совсем иную, испанскую местность.

В последний день, перед тем как вызвать такси в аэропорт, мы решили еще раз прогуляться по ближайшим к отелю улицам, хотя казалось, что всю округу мы знаем, как местные землемеры. Еще раз прошли пешком до набережной Тахо, постояли на древнем мосту... Надо было возвращаться.

— Давай поднимемся к отелю тем переулком? Мы там еще не были.

— Мы везде были, — возразил муж, — и мы уже опаздываем. Ничего нового в том переулке нет.

— А все-таки...

Вот что-то же вело меня именно в этот кривой и короткий, совсем неинтересный переулок, в котором действительно не было ничего для нас нового, кроме...

Голубые ворота в небольшой дворик-патио были открыты, чтобы туристы, которые пройдут мимо, заметили развешанные по стенам, лежащие на круглом столе картинки, выставленные на продажу.

— Зайдем!

— Ты что, еще не все скупила в этом городе?! — Мой многострадальный муж, с утра уже утрамбовавший чемоданы, привычно вооб-

Дина Рубина .

разил, как навешивает на себя еще один, прикупленный мною сувенир. — Мы же опять как елки...

Но я уже была во дворике, уже разглядывала товар, переходя от одной картинки к другой, — веселила сердце. Все же в глубине существа я — человек коробейниковой эпохи.

Это была мастерская художника — на столе стояли несколько банок с краской, лежали кисти на расстеленной газете.

Небольшие картинки были рисованы на предварительно состаренных досках и выглядели славно — стильно, декоративно.

Из приоткрытой в дом двери к нам вышел юноша лет семнадцати. Я на корявом испанском спросила сакраментальное: «Куанта куэста?» В ответ услышала, что всего двадцать пять евро, и вдохновилась. Надо сказать, что и Борису картинки понравились: он вмиг забыл, что мы опаздываем, что мы и без того перегружены, что я вечно покупаю все, на что глаз ляжет, а потом не знаю, куда это деть... Мы хватались то за одну, то за другую дощечку... Наконец выбрали: группа трубачей, трубящих в длинные трубы, стилизация под средневековые гравюры, чуть тронутая тусклым золотом. Внизу какая-то надпись на латыни.

— Вот эту, пожалуйста!

Я достала кошелек, а юноша принялся заворачивать доску в газету. Мелькнула с изнанки чья-то подпись...

— Постойте! Что там?

Я взяла в руки доску, перевернула. На черной поверхности белой краской было размашисто выведено: «Espinosa»...

И я поняла, зачем меня притащили в этот дворик.

— А кто это — Эспиноса? — спросила я.

— Мы, — ответил парень. — Это работы моего отца.

И, завернув доску в газету, вручил мне... Он так сердечно, так естественно произнес: «Ми падре...» Я помедлила еще мгновение, представляя, что бы сказала ему на испанском... Но в отличие от героя моего романа «Белая голубка Кордовы» или от героев романа «Последний кабан из лесов Понтеведра» я, увы, не говорю на испанском. К тому же мы и вправду опаздывали...

Дома я повесила доску в прихожей. Она благородно отсвечивает тусклым золотом труб. Недавно была у меня в гостях моя подруга из Милана. Обратила внимание на картинку. И я ей рассказала историю покупки.

— А знаешь, что здесь написано? — спросила она. — «Береги Дев!»

Так и висит у меня этот милый моему сердцу – сердцу Девы – оберег. Бережет меня исправно.

Перед тем как выйти на улицу, я уже привычно бросаю взгляд на доску, и в моей памяти на мгновение всплывает дворик, весь завешанный работами художника, – еще одного художника в моей дальней-предальной испанской родне.

Рассказы